



ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

РИХАРД
ЗОРГЕ

КТО ОН
НА САМОМ
ДЕЛЕ?

ЕЛЕНА
ПРУДНИКОВА



Гроссмейстеры тайной войны

Елена Прудникова

**Рихард Зорге. Кто
он на самом деле?**

«Алисторус»

2015

УДК 94(092)(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

Прудникова Е. А.

Рихард Зорге. Кто он на самом деле? / Е. А. Прудникова —
«Алисторус», 2015 — (Гроссмейстеры тайной войны)

Рихард Зорге – одна из самых романтических фигур в мире разведки. Яркий пассионарий, красавец, любитель вина и женщин, он стал одним из прототипов Джеймса Бонда. Вообще легенд о нем ходит куда больше, чем известно конкретных данных. Говорят, что именно он из далекой Японии первым сообщил в Москву о дате нападения на СССР, о составе и количестве нацистских сил, обрисовал общую схему военного плана вермахта. Правда это или нет? Кто он на самом деле? Незаурядный разведчик или обычный резидент? Человек, незаслуженно отмеченный Хрущевым, или действительно имеющий исключительные заслуги перед Отечеством? Советский патриот или двойной агент? На чью разведку он работал? Имел ли отношение к антисталинским заговорам? Почему в СССР узнали о Рихарде Зорге только в 1964 году и почему о нем вообще узнали? Книга также издавалась под названием "Рихард Зорге: легенда разведки".

УДК 94(092)(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

© Прудникова Е. А., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Введение	6
«Премьер-министр» с Моцартштрассе	9
Теория и практика коммуниста Зорге	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Прудникова
Рихард Зорге. Кто он на самом деле?

© Прудникова Е.А., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Введение

Известность для разведчика – дело случая, причем случай этот далеко не счастливый. По одной очень простой причине: чтобы стать известным, надо провалиться. Имена нераскрытых разведчиков крайне редко становятся достоянием общественности. В России можно назвать, пожалуй, один случай – Ян Черняк. И то публикации о нем появились через пятьдесят лет после того, как он закончил свою нелегальную работу, буквально за несколько недель до его смерти. И произошло это в 90-е, когда режим секретности, окружающий деятельность советских спецслужб, по известным причинам давал сбои. А потом двери архивов захлопнулись – и все вернулось на круги своя.

Известность для разведчика – дело случая вдвойне. Чья биография попала на глаза журналистам, кинематографистам, писателям и пр., того они и берут в работу. Вот кто у нас знает о сидевшем в Швейцарии в 40-е годы Рудольфе Рёсслере? А он, между прочим, считается лучшим агентом Второй мировой войны, способным ответить на *любые* вопросы Центра о немецкой армии. Между тем о Леопольде Треппере и Анатолии Гуревиче с их «Красной капеллой», сделавших гораздо меньше, написаны книги и статьи, а «Красная капелла» стала, пожалуй, самой известной разведывательной организацией того времени. Одна беда – из этих книг и статей так и не удалось выяснить, чем конкретно они занимались.

Лев Маневич – «Этьен», – проработавший в фашистской Италии около двух лет и собиравший достаточно обычную, рядовую техническую информацию, поразил литераторов своей романтической биографией. В результате, чтобы более убедительными были книги и фильм о нем, ему даже «добавили» четыре года нелегальной работы. А вполне реальный Генри Робинсон, около десяти лет очень результативно работавший в Европе и героически погибший в фашистских застенках, так ничьего внимания и не привлек, хотя биография его романтична ничуть не меньше, чем у Маневича.

Тройка, семерка, туз...

...В конце 50-х годов в руки французского кинорежиссера Ива Чампи попала книга бывшего нацистского дипломата Ганса-Отто Мейснера «Человек с тремя лицами». Мейснер перед войной работал в германском посольстве в Токио и хорошо знал обаятельного и немного беспутного журналиста Рихарда Зорге. Когда выяснилось, что этот отличный парень, замечательный собутыльник и покоритель женских сердец работает на советскую разведку... сказать, что получился скандал – значит не сказать ничего. Это был гром среди ясного неба. Пораженный случившимся, Мейснер после войны, благо в изобилии имелись японские и американские материалы расследований, написал книгу. Ив Чампи в 1961 году выпустил на экран фильм «Кто вы, доктор Зорге?». С него и началась слава «Рамзая».

Фильм прошел по Европе с огромным успехом, и француз решил показать его на родине героя. Должно быть, он ожидал благодарности от нашего правительства: в конце концов, человек делал за советских кинематографистов их работу и мог рассчитывать хотя бы на «спасибо». В 1962 году Ив Чампи предложил ленту для показа в СССР. Фильм посмотрели сотрудники Министерства культуры во главе с незабвенной товарищем Фурцевой. Причем люди из Минкульта справились сами, не пригласив никого ни из военной разведки, ни из КГБ хотя бы для вежливости. И сами решили, что фильм нам не подходит.

Когда в 1963 году в СССР был образован Государственный комитет по кинематографии (знаменитое Госкино), Ив Чампи снова предложил свою ленту теперь уже новому киношному начальству, Алексею Романову. И тут вмешался Его Величество Случай. Совершенно случайно о намечавшемся просмотре узнал человек из службы внешней разведки, посмотрел кино, доложил по начальству, что фильм хороший, разве что с эротикой француз переборщил,

ну так чего и ждать от француза... Дальше дадим слово Николаю Захарову, заместителю председателя КГБ:

«Тут же я позвонил А. Романову:

– Ну что, Алексей Владимирович, как фильм?

– Знаете, Николай Степанович, по-моему, Фуцева была права, что отказалась его покупать. В нем много серьезных недостатков и есть такие фрагменты, которые не принято показывать.

– А мне докладывают, что фильм хороший. Давайте так: пленку я заберу и покажу ее руководящему составу КГБ. Если фильм понравится, покажем его на субботнем просмотре членам Политбюро.

В КГБ СССР фильм одобрили. Я попросил начальника личной охраны Н. Хрущева, полковника Литовченко, ознакомить Никиту Сергеевича с аннотацией фильма, подобрал нескольких сотрудников, великолепно владевших французским языком, снабдил их нашими миниатюрными спецприборами синхронного перевода, и к 19 часам они были в Доме приемов, где демонстрировали фильмы. Вскоре собрались члены Политбюро и секретари ЦК... Всем подали чай и разнесли список десяти готовых к демонстрации фильмов. Ленты о Зорге в нем не было. Собравшиеся стали обсуждать, что бы сегодня посмотреть, как вдруг Никита Сергеевич предложил:

– А вот Захаров рекомендует фильм о разведчице Зорге. Может, посмотрим?

Все, конечно, согласились. Во время сеанса тишина в зале стояла гробовая. Когда фильм закончился, все вышли в фойе и окружили Хрущева.

– Ну, как фильм? – спросил Никита Сергеевич.

В ответ – выжидающе молчание.

– А по-моему, фильм хороший. Мне, например, понравился... Захаров, – обратился ко мне Никита Сергеевич, – передайте Романову, что фильм нами одобрен. Его надо купить, перевести на русский язык, скорректировать отдельные эпизоды и пустить на большой экран...»

Так началась российская слава Рихарда Зорге – сначала книга, написанная немцем, затем фильм, снятый французом, потом уже работы советских журналистов, более или менее перевиравших факты. Вскоре руководство КГБ предложило наградить участников группы «Рамзай» и нашло полное понимание в «верхах»: эпоха требовала новых героев.

Впрочем, рассказывают и такую версию этого награждения. Посмотрев на даче в очередной раз «Кто вы, доктор Зорге?», Хрущев от полноты впечатления воскликнул:

– Вот как надо снимать! Знаешь, что все это выдумки, а сидишь от начала и до конца как на иголках, все ждешь, что же дальше будет...

– Так ведь это не выдумки, Никита Сергеевич, – сказал кто-то из присутствовавших кагэбэшников. – Это чистая правда...

Хрущев снял трубку «вертушки», позвонил в КГБ, там подтвердили: да, был такой разведчик...

– Так почему же о его подвиге до сих пор не знает страна? – возмутился генсек.

Дальнейшее было уже делом техники. Срочно создали специальную комиссию, изучившую материалы, и уже 5 ноября 1964 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета о присвоении Рихарду Зорге звания Героя Советского Союза. Главное разведывательное управление советской армии (группа «Рамзая» числилась за военной разведкой) хранила молчание.

После всех этих событий Рихарда Зорге по какому-то молчаливому уговору стали считать «разведчиком номер один». Не то чтобы так оно на самом деле и было – на самом деле подобного супергероя можно сделать из доброй половины разведчиков-нелегалов. В их жизни всегда найдется из чего вылепить сценарий для фильма. Просто так удобнее. При этом как-

то забывается, что работа против Германии не являлась основным заданием Зорге – сведения о немецких планах были сопутствующей информацией. Резидентура «Рамзай» была создана для освещения японских дел, а дату начала войны в Москве знали из множества куда более близких к Берлину источников.

Как ни странно, серьезных исследований жизни разведчика в СССР не велось. В библиографии книги «Рихард Зорге» из серии «Жизнь замечательных людей» всего 14 источников, из них три принадлежат самим авторам книги. Так серьезная работа не ведется. Для сравнения: библиография книги немецкого исследователя Юлиуса Мадера «Репортаж о докторе Зорге» насчитывает около 150 наименований. Тридцать пять лет Мадер собирал все, что известно о разведчике, подготовил около ста публикаций о нем, написал две книги. Притом что Зорге не так уж долго жил в Германии и не так уж много для нее сделал. Его жизнь и работа были поставлены на службу Советскому Союзу. Впрочем, если бы речь шла только о разном размере библиографических списков, то это бы еще полбеды. Но и реальные факты из жизни своего героя наши и зарубежные исследователи тоже приводят по-разному, а это уже гораздо хуже.

А с другой стороны, в СССР, да и в ГДР, и на Западе Зорге залакировали – каждый своим лаком. Так всегда бывает при создании культовой фигуры: кто-то вылепливает своего персонажа в соответствии с господствующей идеологией, а кто-то – с предполагаемыми вкусами зрителей. Получается монумент или восковая фигура, но все равно кукла. Но ведь это был яркий человек, живший в сложное время, то и дело естественным образом переходившее в страшное! И как время это было неудобным для всех, кто его описывал, так и люди этого времени плохо годятся для парадных портретов.

Такие дела...

«Премьер-министр» с Моцартштрассе

...Даже самое начало биографии Рихарда Зорге разные исследователи излагают по-разному. Сходятся они на том, что – да, в начале 80-х годов XIX века на бакинские нефтепромыслы действительно прибыл молодой, но уже достаточно опытный и квалифицированный немецкий инженер по фамилии Зорге. Но дальше пишут кто во что горазд. Юлиус Мадер утверждает, что инженера звали Густав Вильгельм Рихард Зорге, русские почему-то переименовали его в Германа Адольфа Рихарда Курта и снабдили чрезвычайно романтической семейной историей. У герра Зорге была жена-немка по имени Эмма, которая родила ему четверых детей: сыновей Вильгельма и Германа и дочерей Эмму и Амалию. Во время очередной эпидемии холеры жена умерла, и Густав Вильгельм и т. д. остался с четырьмя маленькими детьми на руках.

От той же эпидемии умерли и родители двадцатидвухлетней Нины Кобелевой, оставив семерых детей. Нина, старшая, чтобы прокормить братьев и сестер, нанялась в прислуги к немецкому инженеру. Вскоре хозяин сделал ей предложение. От этого брака и родился пятый, последний, ребенок в семье – сын Рихард.

Но, думаю, все же стоит поверить Мадеру: он намного обстоятельней, и его книга производит гораздо более солидное впечатление, да и к семейным архивам он ближе. Итак, согласно его версии, отца Зорге звали Густав Вильгельм Рихард, родился он в 1852 году и происходил из старинной прусской семьи. Его отец был хирургом, более дальние предки торговали лекарствами. Однако молодой человек не захотел поддерживать семейную традицию. В городе Веттин, где он родился, имелась каменноугольная шахта. Мистический германский дух окружил шахтеров романтическим ореолом, и мальчик, с детства слышавший сказки о тайнах подземного мира, став подростком, всерьез заинтересовался горнодобывающим делом. Но практичный Густав Вильгельм довольно скоро понял, что каменноугольная промышленность доживает свой век, дело это бесперспективное, и переключил свои интересы на добычу нефти, принявшись за дело с чисто немецкой хваткой и обстоятельностью. Изучая нефтедобычу, молодой человек несколько лет проработал в США, став хорошим специалистом по глубокому бурению.

И тут начался нефтяной бум в Баку. Братья Нобели, шведские фабриканты, купив по дешевке концессии на разработку нефтеносных земель, поставили дело с размахом. Их компания охватывала весь цикл – от бурения до сбыта продукции нефтепереработки. Производство ящиков, бидонов, канистр, транспорт – железнодорожные цистерны и нефтеналивные баржи – все свое. Империя Нобелей имела 20 % от общей суммы иностранного капитала в российской нефтяной промышленности.

Естественно, для такой работы требовалась огромная армия специалистов – отсталая Россия могла поставлять на заводы разве что рабочих. Компания Нобелей вербовала их, где только было возможно: дешевый труд русских рабочих позволял хорошо платить инженерам без серьезного ущерба для прибылей. Так что тридцатилетний, но уже опытный инженер не имел оснований жаловаться на недостаток средств.

Теперь можно было подумать и о том, чтобы обзавестись семьей. Практичный немец не стал гоняться за деньгами и титулами. В жены он взял совсем молодую девушку, Нину Кобелеву, дочь железнодорожника и фабричной работницы. Девочка была не избалована жизнью, она рано осиротела и вместе с пятью братьями и сестрами выросла в приюте. Густав Вильгельм не прогадал – ему не пришлось жалеть о совершенном мезальянсе. В свою очередь, он отплатил добром за добро – помог получить хорошее образование всем пятерым братьям и сестрам жены.

Нина Семеновна подарила мужу десятерых детей: четырех мальчиков и шесть девочек. Правда, на старой семейной фотографии присутствует только пятеро детей, что вроде бы под-

тверждает русскую версию, но, в конце концов, в то время далеко не все дети выживали. В российской империи детская смертность была равна тридцати процентам по первому году жизни да столько же по второму. И вот 4 октября 1895 года у супругов родился самый младший сын – Рихард. Отцу тогда было сорок три года, а матери – двадцать восемь. Если детей было и вправду десять, то замуж она выходила лет шестнадцати-семнадцати, не старше...

Первые годы жизни мальчика прошли в поселке Сабунчи, прокаленном солнцем местечке на берегу соляного озера, где стоял двухэтажный дом инженера Зорге. Впрочем, об этих местах его детская память почти не сохранила воспоминаний. В 1898 году, когда здоровье отца пошатнулось, а денег было накоплено достаточно, семья переехала в Германию. Они обосновались в берлинском пригороде Ланквиз, на известной нашим телезрителям, по иронии судьбы благодаря фильму о разведчике, Моцартштрассе. Густав Вильгельм собирался заняться научной работой, но, когда ему предложили стать директором банка, согласился: это обеспечивало им всем безбедное существование.

Что касается убеждений Густава Вильгельма, то сам Рихард называл отца «националистом и империалистом». В том же духе глава семьи старался воспитывать и детей, правда не слишком успешно. Там ведь была еще и мама, проводившая с детьми гораздо больше времени, чем глава семейства. Семья была двуязычная, в быту на равных использовались и немецкий, и русский языки. Все ее члены, включая младшего Рихарда, живо интересовались тем, что происходило на их далекой родине. А дела там творились крайне интересные.

Закавказье являлось одним из центров русской социал-демократии. Российские эсдеки, в отличие от своих европейских коллег, не увлекались идеями «социального партнерства» и не видели себя в качестве посредников между рабочими и буржуазией. Они были настроены на борьбу, причем не только радикалы-большевики, но и более умеренные меньшевики. Отсюда и результаты.

В 1904 году в Баку три недели длилась мощнейшая стачка нефтяников, в результате которой был подписан первый в России коллективный договор. А дальше сорвалась лавина. Закавказье стало одним из центров революции 1905 года, в которой забастовки являлись «стартовым пакетом». Дальше шли «экспроприации», или «экссы» (а по-простому, налеты), теракты, драки с полицией, боевые отряды... Кстати, именно в Баку тогда работал молодой революционер по кличке Коба, который вскоре станет известен всему миру под другим своим партийным псевдонимом – Сталин.

Идеи социального равенства, классовой борьбы носились и в европейском воздухе, а члены семьи Зорге отчасти помнили, а отчасти знали по рассказам старших, в каких нечеловеческих условиях живут российские рабочие. Так что неудивительно, что один из старших сыновей имел крайне левые убеждения, а младший и вовсе стал коммунистом, коминтерновцем и советским гражданином. Сам Зорге впоследствии говорил, что чувствует себя русским.

...В 1902 году Рихарда отдали в повышенное реальное училище в Лихтенфельде, одном из районов Берлина. С самого начала мальчик «прославился» тем, что все время нарушал дисциплину. *«Я был трудным учеником, – впоследствии охарактеризовал он сам себя, – нарушал школьные порядки, своевольничал и был крайне несдержан на язык».* Впрочем, не только на язык. Если его что-либо не устраивало, он был просто не способен молчать, чуть что, пускал в ход кулаки – тот еще скандалист... Что касается упрямства, повышенной разговорчивости, своеволия – таким он оставался и потом, уже став взрослым, да и кулаками помахать был не прочь даже тогда, когда уже перешагнул за сорок лет.

Мальчишка был способным, что несколько компенсировало трудный характер, хотя таланты имел весьма узконаправленные.

«По истории, литературе, философии и, конечно же, по гимнастике, а также по уровню политических знаний я намного превосходил других учеников. Зато по другим предметам мои

успехи были ниже среднего уровня. В пятнадцать лет я начал запоем читать Гёте, Шиллера, Лессинга, Клопштока, Данте и других “трудных” авторов. Однако все мои попытки постичь историю философии и учение Канта оказались тщетными. Моими любимыми темами по истории были французская революция, наполеоновские войны и эпоха Бисмарка. В социальных и политических проблемах Германии я разбирался лучше большинства взрослых. Год за годом я внимательно следил за развитием политических событий. Поэтому в училище меня прозвали “премьер-министром”»¹.

Можно представить себе, какая каша наполняла голову школьника, отец которого был «империалистом и националистом», брат – левых убеждений, а мать из рабочей семьи. Из такого коктейля мог сформироваться кто угодно: анархист, коммунист, социалист, нацист... Сформировался, как известно, коммунист, но для этого потребовалось еще много пройти.

...В 1907 году внезапно умер Густав Вильгельм Зорге. Рихард очень тяжело переживал его смерть. Мальчик замкнулся, стал глубже, серьезнее, несколько отдалился от всех и еще больше увлекся книгами. Кроме того, он вступил в социал-демократическое рабочее гимнастическое общество. Представление о реальном рабочем классе впоследствии оказалось полезным, а симпатии к социал-демократам определили дальнейшую направленность политических приоритетов Рихарда – он выбрал левую сторону политического спектра. Скорее всего, в будущем из него получился бы образцовый политолог, социолог или что-нибудь в этом роде и не менее образцовый социал-демократ. Но жизнь распорядилась по-иному.

Последнее каникулярное лето они с друзьями решили провести в Швеции. Возвращались домой в конце июля. Странные дела творились в Германии: в порту скопилось огромное количество военных кораблей, поезда были переполнены, так что ребята едва сумели добраться до Берлина. Ехали почти исключительно военные, для штатских места в вагонах почти не оставалось, станционные пути были забиты воинскими эшелонами. 1 августа началась война.

Немецких мальчиков всегда воспитывали патриотами. И, когда с началом войны страну охватило патриотическое безумие, его первой жертвой стала молодежь. Мальчишки-старшеклассники толпами записывались в армию. Юный романтик Рихард, которому давно надоело училище, да и вообще вся эта скучная буржуазная жизнь, тут же отправился на пункт призыва, даже не сообщив о своем решении матери. Было ему в ту пору неполных девятнадцать лет.

Судьбе этого поколения немецких школьников посвятил свое творчество Ремарк, специально придумавший для мальчиков, прямо со школьной скамьи брошенных в мясорубку войны, термин «потерянное поколение». Война с такой силой вломила в жизнь этих детей, еще ничего не успевших узнать, что те, кто уцелел, потом с огромным трудом приспособивались к мирной жизни, в которой не имели корней. Многие так и не смогли к ней привыкнуть – и одним из таких был Рихард Зорге. Но все это будет потом. А пока он проходил подготовку в запасном батальоне 91-го пехотного полка, где вчерашних школьников быстро избавили от романтических настроений.

«У нас не было твердых планов на будущее, лишь у очень немногих мысли о карьере и призвании приняли уже настолько определенную форму, чтобы играть какую-то практическую роль в их жизни; зато у нас было множество неясных идеалов, под влиянием которых и жизнь, и даже война представлялись нам в идеализированном, почти романтическом свете.

В течение десяти недель мы проходили военное обучение, и за это время нас успели перевоспитать более основательно, чем за десять школьных лет. Нам внушали, что начищенная пуговица важнее, чем целых четыре тома Шопенгауэра. Мы убедились – сначала с удивлением, затем с горечью, а потом с равнодушием – в том, что здесь все решает, как видно, не разум, а сапожная щетка, не мысль, а заведенный некогда распорядок, не свобода, а муштра. Мы

¹ Цит. по: Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин. 1988. С. 11–12.

стали солдатами по доброй воле, из энтузиазма; но здесь делалось все, чтобы выбить из нас это чувство... Козырять, стоять навтытяжку, заниматься шагистикой, брать на караул, вертеться напра-во и нале-во, щелкать каблуками, терпеть брань и тысячи придирок – мы мыслили себе нашу задачу совсем иначе...

Мы испытали на себе, пожалуй, все возможные виды казарменной муштры, и нередко нам хотелось выть от ярости... Но мы бы сочли себя достойными осмеяния, если бы сдались. Мы стали черствыми, недоверчивыми, безжалостными, мстительными, грубыми – и хорошо, что стали такими. Именно этих качеств нам и не хватало. Если бы нас послали в окопы, не дав нам пройти эту закалку, большинство из нас, наверно, сошло бы с ума. А так мы оказались подготовленными к тому, что нас ожидало»².

Можно себе представить, каково в этой обстановке пришлось Рихарду – с его-то характером! Впрочем, уже через несколько месяцев они мечтали о казарме как о чем-то далеком и недостижимом. После шести недель подготовки – что, спрашивается, можно успеть за шесть недель! – их отправили на войну, на тот самый западный фронт, который «без перемен». Там те, кто не погиб в первые дни, навсегда излечились от романтики. В ноябре 1914 года четыре резервных корпуса 4-й армии – как раз таких вот наспех обученных солдат, вчерашних школьников, перемешанных с рабочими, крестьянами, безработными, которые были старше, но ничуть не опытнее в военных делах, – под командой давно забывших службу офицеров-резервистов бросили в прорыв во Фландрии, цепями под пулеметы, на верную смерть. Позднее, года через два-три, статистика боев, по оценке Ремарка, была такая: на одного бывалого солдата гибло пять-десять новобранцев. Но в 1914 году на этой войне не существовало опытных бойцов: это была первая такая война в истории Европы. Ранее приобретенные знания никому помочь не могли: слишком много технических и тактических новинок было опробовано на этой войне.

«Среди ночи мы просыпаемся. Земля гудит. Над нами тяжелая завеса огня. Мы ждемся по углам. По звуку можно различить снаряды всех калибров... Каждый ощущает всем своим телом, как тяжелые снаряды сносят брусстер окопа, как они вскапывают откос блиндажа и крошат лежащие сверху бетонные глыбы. Порой мы различаем удар более глухой, более сокрушительный, чем обычно, удар, словно разъяренный хищник, бешено вонзает когти в свою жертву. Это прямое попадание в окоп...

Наступило утро. Теперь к огню артиллерии прибавились разрывы мин. Нет ничего ужаснее, чем этот неистовой силы смерч. Там, где он пронесся, остается братская могила...

...Еще одна ночь. Теперь мы уже оуптели от напряжения. Это то убийственное напряжение, когда кажется, что тебе царапают спинной мозг зазубренным ножом. Ноги отказываются служить, руки дрожат, тело стало тоненькой пленкой, под которой прячется с трудом загнанное внутрь безумие, таится, каждую минуту готовый вырваться наружу, безудержный, бесконечный вопль. Мы стали бесплотными, у нас больше нет мускулов, мы уже стараемся не смотреть друг на друга, опасаясь, что сейчас произойдет что-то непредвиденное и страшное. Мы плотно сжимаем губы. Это пройдет... Это пройдет... Быть может, мы еще уцелем...»³.

Может быть, после бомбежек по площадям, после Хиросимы это и не так впечатляет. Но тогда все это было впервые.

Рихард выжил в том фландрском наступлении, в аду Диксмойде, но стал смотреть на все по-другому. У оставшихся в живых не было общего языка с теми мальчиками с горящими гла-

² Э. М. Ремарк. На Западном фронте без перемен.

³ Э. М. Ремарк. На Западном фронте без перемен.

зами, которые еще полгода назад распевали патриотические песни, а также с теми, кто, сидя в тылу, пел их сейчас. Теперь он, как и его товарищи, совсем иначе видел войну – как бессмысленную бойню, а на место романтического подъема пришла безысходность обреченных, чей единственный жизненный лозунг: «Быть может, мы еще уцелеем». Храбрость не вела к смерти, а трусость не спасала, и Рихард стал отчаянно храбрым. Это соответствовало его характеру, а главное, его гордости. Впоследствии он вспоминал:

«Это дикое кровавое побоище глубоко потрясло и меня, и моих товарищей. Как только рассеялась романтическая дымка и была утолена жажда битвы, наступили месяцы глубочайших душевных потрясений и тупой безысходности... Никто из моих фронтовых товарищей не понимал целей этой войны, не говоря о ее подлинном значении. Большинство солдат были молодыми людьми в расцвете сил. Рабочие и ремесленники, почти все они состояли в профсоюзах, многие принадлежали к социал-демократическим организациям. Среди них был всего один настоящий радикал – седоволосый каменотес из Гамбурга, попросту отказывавшийся вести с кем бы то ни было дискуссии о своих политических взглядах. Мы сдружились; он рассказал мне о своей жизни безработного в Гамбурге, где постоянно подвергался преследованиям. Это был первый пацифист, встретившийся мне. Он погиб в начале 1915 года...»⁴

Вскоре ранило и самого Рихарда.

Пребывание в госпитале с нетяжелым ранением солдата рассматривали как отдых, подарок судьбы. Времени было много, и Рихард начал потихоньку разбираться в реальной политической подоплеке войны. Теперь он мог бы сказать словами Ретта Батлера, героя книги «Унесенные ветром»: «Войны ведутся из-за денег». Он и пытался разобраться, кто какие интересы имеет. Интересы у всех были разные – у кого-то деньги, у кого-то земли, уголь, нефть – но тем, кого гнали на бойню, война не давала ничего, кроме страданий и смерти. Однако выхода он не видел, да и никто его не видел. Обратного хода не было – этот путь надо пройти от начала до конца.

За то время, которое Рихард провел в госпитале, его часть перебросили на Восточный фронт, в Галицию, где в то время началось крупное наступление. Теперь он был вынужден стрелять в русских. Впрочем, испытание длилось недолго: уже через три недели он «словил» осколок и снова оказался на госпитальной койке в Берлине.

Дома за это время стало еще хуже. Уровень жизни населения стремительно катился вниз. Буржуазия опустилась до положения рабочих, рабочие голодали. Патриотический подъем был давно позади, и его место заняла мрачная озлобленность у одних и жалкие попытки уцепиться за остатки патриотизма у других. В тылу было невыносимо, и Рихард, не дожидаясь окончания отпуска, попросился на фронт. «Я считал, что лучше сражаться в других странах, чем еще глубже погружаться в болото в своей стране», – позднее напишет он.

Во время лечения Рихард успел сдать экзамены на аттестат зрелости, а также получить унтер-офицерские погоны и Железный крест II степени за храбрость. Решение это нелегко далось военному начальству. Действительно, он был отчаянно смелым, но, освоившись в армии, стал и отчаянно недисциплинированным, и агрессивным. Правила приличного поведения остались в тылу (да и в тылу-то он их не соблюдал), и споры, в том числе и с унтер-офицерами, он предпочитал решать кулаками. В самом деле, почему бы и нет? За драку с унтером не расстреливали. А гауптвахта – что гауптвахта? На фронте это три – пять – десять суток отдыха, чем плохо-то? Однако теперь, имея аттестат, унтерские нашивки и Железный Крест, он мог сделать и военную карьеру – стать офицером, и гражданскую. В перспективе ему была открыта дорога в любой университет Германии. Если уцелеет...

⁴ Цит. по: Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 14–15.

А еще именно тогда ему в руки попали листовки группы «Спартак». Это были немецкие левые социалисты, близкие по взглядам русским большевикам – вскоре они войдут в число основателей Коммунистической партии Германии. С социал-демократами их «развело» отношение к войне. 4 августа 1914 года, после того как фракция СДПГ в рейхстаге проголосовала за военные кредиты, левая социалистка Роза Люксембург объединила противников войны внутри своей партии в группу «Интернационал». Группа выступала против политики «гражданского мира», выдвинутой правительством и поддерживаемой СДПГ, и стояла за солидарность рабочих всего мира против войны. Руководили ею известные впоследствии деятели: Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Вильгельм Пик, Франц Меринг. С января 1916 года они сменили имя своего объединения и стали называться группой «Спартак» и тогда же начали печатать так называемые «политические письма», которые распространяли и в госпиталях, и в окопах.

Не всегда спартаковцы выражались понятными словами, но измученным войной солдатам достаточно было того, что эти люди «против войны». Ну а Рихард понимал все, что они писали, ибо умел изъясняться политическим языком, но и ему эти слова попали точно в сердце, как в «яблочко». Это был третий лежащий перед ним путь – путь политической борьбы, и Рихард выбрал его, как выбирали этот путь многие недовольные устройством жизни и до него, и после него...

...Итак, в начале 1916 года ему торжественно вручили аттестат зрелости, унтерские нашивки и отправили обратно в его 43-й резервный полк полевой артиллерии, на самый север мощного оборонительного вала французских войск, под стены малоизвестной крепости, которая называлась Верден.

Германское командование сконцентрировало на этом участке фронта огромные силы: оно готовило операцию под претенциозным названием «Суд». Кронпринц Вильгельм лично командовал 5-й армией, которая должна была послужить острием тарана, пробивающего брешь во французской обороне. Таран был мощнейшим. На участке фронта протяженностью всего в 13 километров немцы сконцентрировали 6 дивизий, 1225 орудий и 202 миномета, которые за время кампании израсходовали 20 млн снарядов. Однако все это оказалось тщетной тратой сил. За три месяца ожесточенных боев германские войска не продвинулись ни на метр. Верден стал кровопролитнейшим сражением Первой мировой войны, и в этот ад угодил Рихард.

Как-то раз, возвращаясь под огнем из разведывательной вылазки за линию фронта, он был тяжело ранен. С перебитыми ногами он трое суток лежал среди воронок и колючей проволоки, с каждым часом все меньше и меньше надеясь на помощь. Но его все же нашли и вытащили к своим.

Теперь Рихард оказался на больничной койке надолго, хотя, в общем-то, повезло, могло быть намного хуже. Он перенес несколько операций и сохранил ноги, хотя хромота осталась на всю жизнь как память о Вердене. Глубокий шрам остался и в душе, и даже двадцать лет спустя он не мог избавиться от этих воспоминаний. Его знакомые вспоминают, что он то и дело принимался рассказывать о Вердене, ужас этого сражения жил в нем всегда.

На сей раз его отправили не в Берлин, а в Кенигсберг. Раны были тяжелыми и болезненными, и, отчасти чтобы отвлечься, Рихард начал читать книги. Одолеп наконец философию – Канта и Шопенгауэра, занялся экономикой. Именно тогда у него появился интерес к исследовательской работе. И тут судьба подкинула удивительную встречу. За ним ухаживала молодая медсестра. Ее отец, врач того же госпиталя, был марксистом. Услышав от дочери фамилию Зорге, достаточно редкую, доктор подумал: а уж не приходится ли этот молодой человек родственником Фридриху Адольфу Зорге, близкому другу Маркса и Энгельса? Так оно и оказалось. Тогда через дочь доктор передал ему подшивку социал-демократического журнала «Ди

нойе цайт» со статьями Фридриха Адольфа Зорге. Так Рихард впервые узнал о тех своих родственниках, о которых в их буржуазном доме говорить было не принято.

...Все началось с прадеда Георга Вильгельма, который для разнообразия не торговал лекарствами, а был сельским пастором. Он отличался на редкость независимым характером и, будучи к тому же отчаянным правдолюбом, все время конфликтовал с церковными и светскими властями. Мимо него не проходила ни одна европейская смута. В 40-х годах дом пастора служил станцией подпольной «железной дороги» – так называли конспиративный канал, по которому польских революционеров переправляли во Францию и в Бельгию. Естественно, всемерно помогая чужим революциям, он не мог остаться равнодушным к своей собственной и принял самое активное участие в событиях 1848 года вместе со своими сыновьями. Его сын Фридрих Адольф (тот самый!), человек с самой мирной на свете профессией учителя музыки, был в числе организаторов восстания в герцогстве Баден, в котором участвовал и его младший брат Герман Генрих. После поражения восстания Фридрих Адольф отправился в Швейцарию, затем в Бельгию, Англию и, наконец, оказался в США. В Штатах он вместе с другими немецкими эмигрантами основал коммунистический клуб, став его председателем, был организатором американской секции I Интернационала, затем секретарем его Генерального совета, написал несколько книг по вопросам рабочего движения. Вместе с Энгельсом, Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом он с 1881 года сотрудничал в социал-демократическом журнале «Ди нойе цайт». Умер он в США в 1906 году, за год до смерти отца Рихарда.

Наличие таких родственников, о которых он раньше ничего не знал, стало для молодого человека шоком, впрочем, нельзя сказать, чтобы неприятным. Заинтересовавшись этим аспектом семейной истории, дальше он естественным образом перешел к увлечению марксизмом, в чем ему старательно помогали новая знакомая и ее отец. Лечение длилось не один месяц, и все это время он запоем читал социал-демократическую литературу. Это были уже не листовки спартаковцев, а серьезные научные работы.

Впоследствии он вспоминал:

«Я читал Энгельса, а затем Маркса, изучая каждую книгу, которую только мог достать. Я изучал также врагов Маркса и Энгельса, людей, которые бросили вызов их теоретическим, философским и экономическим построениям, рылся во всей истории рабочего движения в Германии и остальной части мира. За эти несколько месяцев я приобрел основные познания о Марксе и началах практического образа мышления»⁵.

Из госпиталя Рихард вышел марксистом, променяв старое романтическое увлечение на новое.

⁵ Цит. по: Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин. 1988. С. 20.

Теория и практика коммуниста Зорге

В январе 1918 года Рихарда демобилизовали: после тяжелого ранения он был признан непригодным для воинской службы. Война для него закончилась. Сбылась отчаянная надежда фронтовика: он уцелел и даже не стал инвалидом – хромота не в счет. Что такое хромота, когда ноги целы? Но что касается другой части заклинания: «Это пройдет!» – то она не сбылась. Ничего не прошло. Слишком многое он повидал за эти два года. Артобстрел, минометный обстрел, газовые атаки, рукопашные схватки, мучения и смерть товарищей, таких же мальчишек, как и он сам. Он научился бить другого человека саперной лопаткой в лицо и спокойно счищать с себя клочья человеческого мяса. После такого человек не становится прежним. Как сказал один из героев Ремарка, войну «нельзя сбросить с себя, как сбрасывают грязное белье».

«Мы больше не молодежь. Мы уже не собираемся брать жизнь с бою. Мы беглецы. Мы бежим от самих себя, от своей жизни. Нам было восемнадцать лет, и мы только еще начинали любить мир и жизнь; нам пришлось стрелять по ним. Первый же разорвавшийся снаряд попал в наше сердце. Мы отрезаны от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса. Мы больше не верим в них. Мы верим в войну».

Молодые ветераны оказались в мирной жизни чужими. Им были смешны бюргерское существование и бюргерские ценности – с теми, кто провел войну в тылу, они общались как с инопланетянами. Впрочем, в тылу тоже было беспокойно. Война тяжело отозвалась на положении простых людей, захватив к 1918 году и средний класс. Рабочие голодали, в городах вспыхивали стачки. Январь 1918 года был отмечен мощнейшей политической стачкой в Берлине. Полиция и специально сформированные унтер-офицерские части разгоняли демонстрантов саблями. Подумать только: Рихард мог быть в их рядах! Нет, очень вовремя его демобилизовали...

Семья жила трудно. Небольшого семейного капитала почти не осталось, все съела инфляция. Братья и сестры Рихарда делили остатки. Обстановка в доме стала такой, что матери пришлось уехать и жить отдельно – может быть, она и вправду была старшим детям мачехой? Дом развалился.

Рихарду было легче, чем другим фронтовикам. Увлечение политикой помогло хотя бы отчасти справиться с последствиями войны, а борьба за переустройство общества была как бы ее продолжением. Ему не пришлось вживаться в чуждую мирную жизнь, он продолжал воевать.

«...На фронте, Эрнст, я много думал, но никак не мог добраться до корня вещей. А теперь, когда война позади, мне хочется узнать уйму всякой всячины: почему это могло случиться и как происходит с людьми такая штука. Тут много вопросов. И в самих себе надо разобраться. Ведь раньше мы думали о жизни совсем по-иному...»⁶

Рихард начал разбираться, не дожидаясь окончания войны, еще в госпиталях. А теперь он решил всерьез понять, «как происходит с людьми такая штука» и еще много других «штук». Для начала он поступил в берлинский университет на философский факультет. Но ни там, ни в своей умеренно буржуазной семье Рихард с его марксизмом не находил единомышленников. Дома жить становилось невозможно. Да и философия разочаровала: теперь он был вполне способен понять даже Канта, но совершенно утратил к нему интерес. И он решил уехать из Берлина, начать новую жизнь на новом месте.

⁶ Э. М. Ремарк. Возвращение.

Рихард выбрал Киль – промышленно развитый город со старейшим, основанным еще в XVII веке университетом и, что было для него еще более важным, очень беспокойный город. В университете он стал изучать экономику и социологию – это оказалось гораздо ближе к жизни, чем философия. Но не только наука привлекала его – в Киле, избавившись от семейной опеки, он решил заняться и практической политикой и стал искать для себя подходящую по духу политическую партию. Больше всего привлекал «Спартак», чьи листовки проторили Рихарду путь в новое политическое видение, но со «Спартаком» связаться не удалось, и летом 1918 года он вступил в ряды Независимой социал-демократической партии Германии, которая образовалась из отколовшегося от социал-демократической партии левого крыла (в эту партию входили и спартаковцы в качестве автономной группы). Это было куда ближе молодому радикалу, чем половинчатые социал-демократы, хотя и не совсем то, чего хотелось.

Первым партийным поручением Рихарда стало организовать и привлечь в партию группу студентов, руководителем которой он естественным образом и стал. Здесь в полной мере проявилось еще одно качество этого человека – поистине безмерное обаяние. Он умел привлекать к себе и подчинять всех, кто с ним соприкасался – и мужчин, и женщин. Итак, он легко создал требуемый кружок и получил следующее поручение. Одно задание следовало за другим. Вскоре он стал председателем комиссии партучебы по месту жительства, курировал работу инструкторов, затем организовал кружок среди матросов. Нет, мирная жизнь, кабинетные науки были определено не по нем.

Там же, в Киле, Рихард познакомился с человеком, который стал одним из его самых близких друзей. Это был профессор университета, тридцатилетний доктор философии Курт Альберт Герлах. Как и Рихард, профессор был выходцем из буржуазной среды – впрочем, он давно порвал всякие связи с отцом, директором фабрики. Герлах занимался изучением профсоюзного движения, актуальнейшими в то время вопросами охраны труда, долго жил в Англии и даже вступил там в лейбористскую партию. С началом войны он ушел на фронт, служил шофером в санитарном батальоне и хотя не был непосредственно на передовой, но тоже навиделся немало. В Киле Герлах, кроме работы в университете, негласным образом читал лекции на тему «Социализм и коммунизм».

Рихард удачно выбрал город. Именно здесь состоялись события, послужившие началом революции 1918 года в Германии. Едва ли он заранее мог предвидеть, что здесь произойдет – просто повезло.

Политика «социального мира» к тому времени давно и безнадежно провалилась. Выступления рабочих шли по нарастающей. Уже в 1917 году общее количество участников стачек в Германии достигло 1,5 млн человек. Экономические требования перемешивались с политическими: рабочие требовали улучшения снабжения хлебом и углем, мира без аннексий и контрибуций и создания Советов по русскому образцу – всего понемножку. Но прежде всего – мира. В начале 1918 года, когда населению показалось, что процесс мирных переговоров с Россией идет слишком медленно, то, чтобы подстегнуть его, 28 января разразилась колоссальная политическая стачка. Она охватила все крупные промышленные центры Германии, и участвовало в ней около 2 миллионов человек.

В начале октября 1918 года спартаковцы провозгласили курс на революцию. К счастью для Запада, они были относительно маленькой группой, пользовавшейся небольшим, по сравнению с социал-демократами, влиянием в массах, несмотря на всемерную помощь из Советской России. Впрочем, Германия держала курс на революцию и без спартаковских призывов.

Осенью 1918 года пришел долгожданный конец войне. Войска Антанты перешли в наступление по всему германскому фронту. Не выдержав их натиска, измотанная немецкая армия отступала, проклиная тех, кто затеял эту войну. Над фронтом стоял крик, как год назад

стоял в России: дайте мир! Любой, пусть самый похабный! Такой же крик стоял и над страной, в которой давным-давно угас патриотический пыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.